

КИТАЕЦ
Е В Г Е Н И Й К О Л Е С О В

МОСКВА
2018

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К60

Колесов, Евгений Викторович.

К60 Китаец / Евгений Колесов. — Москва : Издательство «Э», 2018. — 320 с.

ISBN 978-5-04-094229-9

Успешного студента третьего курса Тимирязевки Алексея Назарова, получившего диплом химфака в Харбине и свободно владеющего китайским и английским языками, вербует военная разведка России. Его жизнь круто меняется, отныне он ведет двойную жизнь, о его миссии не знает даже возлюбленная Катя. Лучшие инструкторы обучают его ремеслу разведчика, а военные медики форматируют его память. После успешного прохождения практики Назарова, получившего агентурный псевдоним Китаец, отправляют в Поднебесную в качестве нелегала, чтобы предотвратить серию химических диверсий на границе с Россией. Он добывает ценную информацию, но однажды оказывается на крючке китайской контрразведки. Его арестовывают, пытаются и решаются применить смертельную пытку «три восьмерки»... Чем ответит военная разведка России? Счет идет на часы...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Колесов Е., 2018

© Оформление.

ООО «Издательство «Э», 2018

ISBN 978-5-04-094229-9

Глава последняя

Время: 2011 год

Место: неизвестно

Я валяюсь в камере на бетонном полу в позе лягушки. Руки, обхватив согнутые в коленях ноги, привязаны ладонями к стопам. В камере только серые, грубо забетонированные давящие стены, неподвижная мрачная лампа, свисающая с низкого потолка и накрывающая помещение бледным светом. Кто-то прыскает меня чем-то липким — то ли медом, то ли сиропом, через удушающую вонь экскрементов не могу различить. Глаза не открываются, лицо заплыло от ран и синяков, а моя изорванная, грязная роба пропитана кровью...

После очередного отказа идти на контакт с китайской контрразведкой меня начали пытаться. С того момента я не спал и часа, а пошли уже, наверное, третьи сутки. От боли и усталости я потерял счет времени. Меня допрашивали под пытками по три-четыре часа подряд, а в перерывах между экзекуциями бросали на полчаса головой вперед в «каменный мешок».

Дыра в бетонной стене глубиной в пару метров, высота и ширина которой не превышала восьми десятков сантиметров, внутри была вся в каменных колючках от грубо наляпанного раствора цемен-

К И Т А Е Ц

та. Каждый раз те, кто бросал мое связанное тело внутрь, старались сделать это как можно больнее. После того как меня вталкивали в этот мешок, сюда же забрасывали несколько крыс и закрывали, судя по глухому звуку, чугунную, массивную дверь. В этой тесноте и кромешной тьме крысы, чувствуя кровь, метались, кусали мое тело и пронзительно пищали. Связанный, я извивался как мог, пытаюсь давить серых тварей своим телом и головой, но те вырывались, становились еще агрессивнее и кусали и царапали с новой энергией. И писк, писк, писк...

Через полчаса крысиных боев мое кровоточащее от укусов и царапин тело вытаскивали и за ноги волокли на очередное испытание.

Через узкие щели заплывших глаз я видел, как неподалеку от камеры валялся мой крест, который с меня сорвали силой. Топаз, расположенный по центру креста, блестел, улавливая свет лампы, освещавшей весь ужас происходящего здесь.

Глава I

«Вы нам нужны»

Время: 2002 год

Место: Москва

«Просвещенные государи и мудрые полководцы двигались и побеждали, совершали подвиги, превосходя всех других, потому что все знали наперед».

Сунь Цзы. Глава XIII

Использование шпионов

— Здравствуйте, меня зовут Алексей Назаров. Тема моего доклада... если у вас есть какие-то вопросы, я с удовольствием на них отвечу... да, пожалуйста...

Я стоял перед зеркалом в тесной комнате своего общежития и репетировал предстоящее выступление. Костюм сидел очень хорошо, но мне никогда не нравилось застегивать пиджак. Я подошел к зеркалу ближе и увидел, что сквозь белоснежную рубашку предательски просвечивает мой талисман — крест, украшенный камнями. Гранат, два вида нефрита и посередине — топаз. Но надетый сверху галстук разрешил появившийся вопрос.

В тот ставший судьбоносным день мне предстояло выступить с докладом в Российском государственном аграрном университете, который все называли просто «Тимирязевка».

К И Т А Е Ц

Там, в Тимирязевке, меня считали перспективным студентом. Я был старше своих сокурсников и заметно выделялся уровнем знаний. Высокий, крепко сложенный, с легкой щетиной и почти всегда в официальном наряде — в университете меня регулярно принимали за молодого преподавателя.

Прежде чем оказаться в Тимирязевке, я пять лет учился в Китае, в Харбинском сельскохозяйственном университете, где особое внимание уделял гербицидам. К третьему курсу отечественного аграрного университета у меня в активе было несколько побед на конкурсах студенческих работ, участие в общероссийских и международных конференциях. Когда в начале учебного года стало известно, что на факультете почвоведения, агрохимии и экологии, где я учился, пройдет круглый стол, мое участие в нем было делом решенным. По слухам, на научном заседании должен был присутствовать сам Мучкин — ведущий химик России, светило с мировым именем. Мне просто сказали: «Готовься, это твой шанс».

— А о чем твой доклад? — Катя спешно чмокнула меня в губы.

Последние несколько месяцев мы встречались с ней перед занятиями и расходились по разным учебным корпусам. Она училась на экономическом факультете.

— Тебе точно интересно?

— Конечно, — кокетничала она, убирая с лица длинные светлые волосы, которыми заигрывался ветер.

— Мой доклад по линии кафедры органической химии на тему межмолекулярного взаимодействия

ароматических кислот и фенолов в жидкостной хроматографии.

Катя посмотрела на меня наигранно-восхищенно.

— Какой вы, Алексей Петрович, у меня умный! Надеюсь, вы точно знаете, как это может пригодиться вам в жизни...

Свою весьма важную мысль Катя сказала будто бы в проброс. Чмокнула меня еще раз и убежала.

С Катей мы встречались около полугода. Я не задумывался о том, что будет дальше, мне просто было с ней очень хорошо. Вот и тогда все мои мысли были о предстоящем круглом столе, о том, как Мучкин будет удивлен высоким уровнем моего доклада. Но маститый академик в Тимирязевке так и не появился.

Разочарованно я сгребал схемы фенольных соединений в портфель, когда ко мне подошел один из присутствовавших на конференции. Назвав себя Геннадием Андреевичем Красновым, он пояснил, что является коллегой старшего специалиста кафедры органической химии нашего университета, Медленько Валерия Петровича, моего научного руководителя.

Минут пять кряду Краснов расхваливал мое выступление. За это время несколько проходящих мимо человек с ним поздоровались, но, как мне показалось, не потому, что его знали, а просто из вежливости. Мой новый знакомый рассказал, что проводит серию экспериментов в области фенолов и мои научные изыскания ему крайне интересны. Взяв меня за локоть, тихим, заговорщицким голосом он сообщил, что его лаборатория почти секрет-

К И Т А Е Ц

ная, и вручил мне визитную карточку. Я не понял, что значит «почти секретная», и посмотрел на него недоумевающим взглядом. Он пообещал, что все разъяснит на месте, и пригласил посетить его лабораторию. Прощаясь, Геннадий Андреевич нахмурил брови, суровый взгляд сделал его похожим на Штирлица, вынашивавшего как минимум план покушения на Гитлера. Я был крайне заинтригован, но все, что мог, — это лишь дождаться назначенной встречи.

* * *

— Ты идиот?!

Я очнулся и увидел, что мужик лет сорока нервно отряхивает рукав своего пиджака и злобно на меня смотрит.

— Простите. За счет заведения. — Я подал мужчине салфетки.

Я спешно вытер барную стойку заведения, в котором подрабатывал по графику два через два.

Мне нравилось работать барменом, особенно в этом месте — центр Москвы, приятная публика, часто заходят те, кого принято называть звездами.

— Але, брюнетик! Ты работаешь или как?

Я в очередной раз задумался об утренней встрече с Красновым и выпал из реальности.

— Да, что желаете?

Певица, имени которой я не помнил, недовольно «цокнула».

— «Космос» сделай.

— Сейчас.

Глава I. «Вы нам нужны»

Пока я нарезал лайм, ко мне подошел Паша — менеджер заведения.

— Лех, че с тобой?

— Все нормально, задумался просто.

— Не выспался?

— Паш, все хорошо.

— Че ж хорошего? А если Б-52 или самбуку закажут и ты задумаешься, когда поджигать будешь? Мне тут фаер-шоу таких не надо. Иди домой, сегодня никого нет. Диман один справится.

Центнер веса с добавкой доброты по имени Паша был одновременно улыбчив и убедителен.

— Спасибо, Паш. Смену должен...

Я брел из бара домой и не мог не думать о встрече, случившейся днем. И вправду — странный какой-то этот Краснов. И почему я раньше ничего не слышал о нем? Хотя руководители кафедры так учтиво с ним здоровались... И почему он не задавал никаких вопросов во время круглого стола? Ни одному из выступавших и ни по одной из тем. И почему он подошел именно ко мне? Вопросов было слишком много, но ждать оставалось совсем недолго.

* * *

Ткань желтых штор с годами потеряла плотность и не была преградой для утреннего света. Комната, в которой я жил, была квадратов пятнадцать, не больше. Шкаф, стол (то обеденный, то рабочий), компьютер с толстенным выпуклым монитором, пара полок, заставленных книгами, и кровать. Кровать неудобная и короткая для меня — ноги упирались в заднюю стенку из тонкого дерева. По но-

К И Т А Е Ц

чам я часто думал, что наутро откручу ее, но потом всегда находились дела поважнее. С того момента, как Катя начала иногда оставаться у меня ночевать, спать стало еще труднее.

Я проснулся от уколов утреннего света через веки и увидел, как Катя, стоя ко мне спиной, натягивала трусики. Надев их, она встала на носочки, подняла руки и вытянулась в струночку.

— Что же ты со мной делаешь?.. — Едва проснувшись, я начал с ней заигрывать.

— А что такое? — Изображая из себя глупышку, отличница Катя повернулась и начала приближаться ко мне.

Катя начала меня целовать, а мой взгляд замер на настенных часах.

— Стоит! — крикнул я.

— Да чувствую я, чувствую, — успела шепнуть Катя, прежде чем я выпрыгнул из кровати как ошпаренный.

— Стрелка стоит! Часы стоят! Сколько времени?!

Всю ночь я переживал о встрече с Красновым и вот теперь опаздывал на нее. Я думал, что закон подлости — это удобная отмазка, но в тот раз он доказывал мне свое существование.

Будто участвуя в соревнованиях по горнолыжному слалому, в переходах и на эскалаторах я обгонял своих соперников — прохожих. Приехав на конечную Таганско-Краснопресненской ветки метро, станцию «Выхино», и поплутав по закоулкам-переулкам, я нашел пятиэтажное здание из красного кирпича. По утверждению моей интуиции, именно оно должно было быть тем, чей адрес значил-

ся на визитке Краснова. От посторонних глаз здание скрывали высокие тополя и соседние корпуса безвкусно наставленных панельных девятиэтажек с грязно-белыми фасадами. Обойдя объект визита несколько раз вокруг, я не увидел ни номера дома, ни названия улицы. Пролить свет на вопрос, что же это за дом-лаборатория, не смогла и пара прохожих: дед, которого я остановил, оказался глухим, а тетка решила сразу возмущаться, мол, все названия улиц и номера домов ей не упомнить. В ответ я выругался на нее по-китайски, назвав «черепашой с дырявым панцирем». Она, не поняв, на каком языке я говорю, удивилась и назвала меня чуркой. На самом деле «чурок» там было действительно много, и они, работая на местном оптовом рынке, очень раздражали местное население.

Здание, обнесенное высоким забором, таким же, как обносят тысячи школ по всей стране, имело всего один вход — железную калитку. Подойдя к ней, я обнаружил, что она заперта, но рядом был неприметный звонок, на который я и нажал.

— Здравствуйте, вы к кому? — прозвучал холодный, строгий мужской голос.

— К Андрею Геннадьевичу, — ответил я, увидев под кнопкой звонка маленький железный динамик, из которого доносился сердитый голос.

— Здесь нет таких, — сообщили мне. На долю секунды я даже обрадовался, что там «нет таких». Говорящий со мной голос напомнил мне тембр нашего военкома, который, казалось, спал и видел, как забрать меня в армию. Отойдя от железной калитки метров на тридцать-сорок, я достал визитку и опомнился. Оказывается, я перепутал местами

К И Т А Е Ц

имя и отчество загадочного Краснова. Я вернулся к калитке и снова нажал звонок.

— Здравствуйте, вы к кому? — как в первый раз прозвучал голос из звонка.

— Я к Геннадию Андреевичу, — сказал я осторожно, пытаясь не раздражать собеседника.

— Проходите.

— Спасибо.

Через мгновение раздался звонкий щелчок, ясно сигнализируя мне, что железная дверь теперь открыта. Пройдя по тихому внутреннему двору, я вошел в помещение. Охранник внимательно осмотрел меня, нажал на кнопку, место расположения которой я не понял. Раздался новый резкий и громкий цвырк электрозамка.

— Проходите, — сказал охранник. — Вам прямо по коридору, там лестница на второй этаж, кабинет № 31. Вас ждут.

— Спасибо, — кивнул я стражу этого здания и отправился по указанному маршруту. Коричневый линолеум под паркет был почти новый. Каждое окно длинного коридора украшал белый тюль, свисавший практически до самого пола. Шторы на окнах были из очень плотной ткани, если бы их закрыли, ткань не пропустила бы ни одного луча света. Сами окна были пластиковые и сильно диссонировали с возрастом здания, которому было не менее двадцати лет.

Негромко постучав костяшками пальцев в дверь под номером 31, я вошел внутрь.

— А, это вы, мой юный друг?! Здравствуйте, здравствуйте! Проходите, я вас жду. Рад, что пришли. Проходите, проходите, не стесняйтесь, — уви-

дев мою нерешительность, любезно приглашал Геннадий Андреевич.

— Спасибо, — снова сказал я. В этот день я был чрезмерно вежлив, такое бывает, когда я волнуюсь. Какая-то беспричинная на первый взгляд тревога все возрастала и возрастала. Я вошел в просторный кабинет с двумя столами.

— Проходите в лабораторию, — пригласил меня ученый и указал рукой на дверь в стене.

— Спасибо, — снова сказал я и мысленно обругал сам себя за неумную вежливость.

— Вот она, родимая, — сказал Краснов, потирая руки и включая свет. Лаборатория была необычной. С разноцветными мензурками, она не была приспособлена для изучения фенолов, а больше походила на нерабочую лабораторию, сделанную для съемок фильма. Ни пробирок, необходимых для опытов, ни штативов для них, ни горелок, ни даже шпателей — ничего того, что необходимо для практики даже в самой простой лаборатории.

— Скажите, а опыты вы где проводите? — первым делом поинтересовался я.

— Так здесь же и проводим. Тут есть все для этого, — ответил Краснов, явно не понимая, что в таких условиях проводить опыты невозможно. А он еще что-то говорил про секретную лабораторию.

— Интересно, — сказал я равнодушно.

Я ожидал увидеть что-то грандиозное, а мне показали какую-то дыру.

— Алексей, я слышал, вы учились в Китае? — вкрадчиво спросил Геннадий Андреевич, очевидно, затевая основательную беседу.

К И Т А Е Ц

— Да, я окончил химфак Харбинского сельскохозяйственного университета.

— Что вы знаете о гербицидах?

— Почти все, — уверенно сказал я.

— Очень интересно. Откуда такие знания?

В глазах моего загадочного собеседника я увидел искреннюю заинтересованность. Почему бы не удовлетворить его любопытство? Может, и он в ответ объяснит, к чему весь этот маскарад.

— В Китае у нас был один профессор, военный химик, в свое время он воевал во Вьетнаме. Он много рассказывал о применении американцами вещества «Агент Оранж» — смеси дефолиантов и гербицидов синтетического происхождения, которой они травили местное население и выжигали страну. — Краснов внимательно слушал, методично покачивая головой в такт моим словам. Я продолжил: — Это был один из первых случаев применения гербицидов в военных целях. Меня, что называется, засосало. То ли пацанячья романтика, то ли что-то еще, но я крепко увлекся изучением гербицидов. Китайский профессор поддерживал меня, активно снабжая реактивами. Я больше экспериментировал над гербицидами сплошного действия, убивающими все виды растений. В итоге мне удалось вывести такой состав гербицидов, одной бочки которого хватало бы на вытравление гектара леса.

— Это как? — спросил Краснов, хитро прищурив глаза.

— Это когда на территории распыляются химикаты и всему зеленому приходит конец, от травы до вековых деревьев. И больше на том месте ничего не растет.

— Совсем?

— Ну не совсем, конечно, лет через 20–25 может прорасти травка. Правда, очень реденько.

— Зачем же вы этим занимались? С какой целью?

— Мне это казалось интересным, к тому же профессор постоянно подогревал мое любопытство, мы много времени тратили на опыты. Изначально мы планировали вывести гербициды для борьбы с наркоплантациями конопли и мака, но во время опытов пришли к необычно сильной формуле, которая поразила даже профессора. Для меня, молодого студента, возможность работать в лаборатории, да к тому же с опытным ученым, дорогого стоила.

— Чем же закончилась ваша профессиональная дружба?

— В начале пятого курса, как раз когда нам удалось вывести гербициды огромной мощности поражения, профессор куда-то уехал. Собрал все материалы исследования, сказал, чтобы я никому не говорил о том, чем мы с ним занимались, и уехал. А без него у меня не стало необходимых реактивов, опыты пришлось свернуть. Теперь мой интерес фенолы.

— Алексей, а вы знаете, что этот ваш китайский профессор работал на Министерство обороны Китайской Народной Республики? — строго спросил Геннадий Андреевич.

— Нет, я не знал, — с искренним удивлением ответил я.

— Разве вам не казалось странным, что в момент, когда вы достигли колоссальных успехов в из-